

АРЗАМАС. Как вы мне противны с вашим счастьем!..

Премьерный спектакль Арзамасского театра драмы по пьесе Жана Ануя «Антигона» вызвал самые разные отклики зрителей: от искренне восторженных до скептических и недоумевающих. Наверное, в этом вся соль новой постановки **Александра Иванова**.

Пьесу французского драматурга сложно рассматривать вне контекста ее написания в 1943 году. Кроме того, спектакль только с первого взгляда напоминает художественную реконструкцию античного мифа о легендарной Антигоне, изложенного в трагедии Софокла. Да, это историческая драма, но и всечеловеческая тоже, что во временном контексте и обуславливает философичность спектакля. Уроки истории ничему не учат. Мы уничтожаем памятники так же, как уничтожаем и собственную память, свое прошлое. Трагедия человека остается лишь частью новостной ленты, которая не дослушивается, поскольку переключает-

ся канал. Именно об этом финал спектакля Иванова, когда на сцене сносят памятник Эдипу, которого уважали и которому поклонялись, и начинается вечеринка. Информация по радио о смерти Антигоны никого не интересует. Смерть стала обыденностью. Поступок Антигоны уже не воспринимается как подвиг во имя семьи и правды. А вообще что такое — подвиг? Может, это глупость или упрямство? Зритель уходит из театра потрясенным. Высокая трагедия внезапно оборачивается дешевым фарсом.

Честно могу сказать, что шла на спектакль с некоторым опасением: как можно сегодня ставить Ануя? Поймут ли зрители переложение старого, забытого или даже мало кому знакомого мифа? Более того, и сам писатель — уже легенда. Действие начинается в фойе. Звучит современная французская музыка, на смоделированном экране идут видеоролики, в которых юные француженки бунтуют против того,

Антигона — А. Шибалина, Гемон — А. Кистрев

что сегодня является их скучной повседневностью.

Сцена оборудована как музей античного искусства. Где же Хор, который есть в пьесе Ануя? Его нет, но в углу сцены сидит женщина — это музейный смотритель (**Елена Лупачева**). У него много обязанностей: не только следить за посетителями, но хорошо разбираться и в искусстве, и в людях. В спектакле Елена Лупачева выполняет роль и функции античного Хора. Она не участвует в действии, но сострадает персонажам, знает, что было и что будет. Никого не судит и никого не поддерживает. В силу своих профессиональных обязанностей следит за сохранностью вверенных ей музейных экспонатов, памятников времен Древней Греции. Только ей известно пока, что за каждым из них скрывается своя трагедия. Срывая покрывала с античных статуй, она начинает повествование об их судьбах. Речь Елены Лупачевой, ее интонации создают впечатление «героя в герое», как отмечалось в статье Е. Маньковской.

Например, Антигона (именно она представлена зрителям первой) еще не мужественная героиня древнегреческой мифологии: она на глазах зрителей в нее превращается, что так ярко и убедительно показала совсем юная актриса театра **Александра Шибалина**. Создается впечатление, что смотрительница музея вводит не только нас, зрителей, в пространство трагедии, но и самих героев: «Антигона думает, что вот сейчас станет Антигоной, что из худой, смуглой и замкнутой девушки ... внезапно превратится в героиню». Идея фатальности и непоправимости происходящего проходит красной нитью через весь спектакль, усиливаясь иногда точным (в мелких подробностях) повторением сюжета мифа и текста трагедии Софокла. Эта идея есть не только в монологах смотрительницы, но и в образах Антигоны и ее сестры Исмены (**Анастасия Зудкова**).

От софокловского образа Антигоны в спектакле Александра Иванова (впрочем, как и в пьесе Жана Ануя) осталось лишь ее потрясающее, даже шокирующее бесстра-

Антигона – А. Шибалина

шие. Эта маленькая девочка создает свой мир, в котором не надо предавать и обманывать, в котором существует то счастье, каким именно она хочет его видеть. «Как вы все мне противны с вашим счастьем! — кричит она Креону. — С вашей жизнью, которую надо любить, какой бы она ни была». Какой широчайший спектр самых противоречивых эмоций передает Александр Шибалина, когда Креон (**Сергей Столяков**) заставляет ее вспомнить, какими мерзавцами были ее братья Этеокл и Полиник, убеждая отказаться от мысли за них умирать.

Весь спектакль — это суд над героями. Подсудимые — Антигона и Креон. Неслучайно режиссер предлагает зрителям сделать свой выбор и путем голосования решить, кто из них прав, на чьей стороне правда. В конце спектакля, на котором мне

Антигона — А. Шибалина, Креон — С. Столяков

довелось присутствовать, зрители решили, что истина на стороне Креона, привыкшего говорить «да», когда совсем юное существо Антигона умеет отвечать «нет». Что сложнее: сказать «да» или «нет» сегодня? Вопрос, на который был сделан особый акцент. Легче согласиться с тем, что тебя не устраивает, и этот выбор оправдать, или идти до конца и ответить «нет»? Очень показательным оказался выбор зала.

Креон в исполнении Сергея Столякова — это не упрямый правитель, каким его мы воспринимаем у Софокла, это не воплощенная идея, какой ее видел Жан Ануй, это, на мой взгляд, человек, загнанный в угол, способный на сострадание, но страшно боящийся «потерять лицо», утратить маску. Однако он, когда узнает о самоубийстве сына Гемона (**Александр Кистерев**) и жены Эвридики (**Елена Стребкова**), не желает собственной смерти, как этого хотел Креон у Софокла. Он обреченно идет на совет и

Стражники — В. Пичугин, М. Польшаев, Ю. Рослов

доиграть свою роль до конца в этой жизненной трагедии. Ближе всех к Антигоне должна быть Исмена, но она решается поддержать сестру не сразу. Она принадлежит миру Креона: ей проще сказать «да» и принять все, как есть. А вот Гемон уже своим предпочтением Антигоны определяет для себя, какой мир ему ближе.

Смерти влюбленных оправданы их внутренним выбором. Они понятны. В самоубийстве Эвридики нет логики. Она никак не участвует в противостоянии Антигоны и Креона, она «вяжет фуфайки для бедняков и варит варенье». Более того, о ней нет ни слова до сообщения о ее смерти. В чем смысл образа? Может, и она несет на себе печать неизбежности? Иногда трагедия совершается тихо, в тишине и молчании. В общую драму жизни вовлечены все без исключения — каждый должен будет рано или поздно сделать свой экзистенциальный выбор.

Очень колоритными образами спектакля

стали стражники (**Юрий Рослов, Михаил Польдяев и Вячеслав Пичугин**). Позы, в которых они предстают в начале, демонстрируют мысль «ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу». Один закрывает себе руками глаза, другой — уши, а третий — рот. Их не занимает судьба юной Антигоны, их не волнует ее смерть. Они обсуждают, в какие питейные заведения можно пойти на полученные деньги, чтобы развлечься. После всего, что случилось, они сносят памятник Эдипу и на его развалинах пьют вино и играют в карты. Создается символический образ мира без прошлого, мира без идеалов, пространство беспамятства, духовный вакуум.

Если черты античности отдаляют от нас пьесу Ануя, то узнаваемые детали современного быта, наоборот, возвращают ее в нашу повседневность. Художник-постановщик **Елизавета Егорова** умело соединила древнегреческие хитоны, пеплосы, пояса, гиматии, хламиды, сандалии из кожи с современными кедами, спортивными штанами и т. д. Так, много деталей одежды у Исмены (она на протяжении спектакля несколько раз переодевается), у Креона, стражников. Но ка-

кой-то минимализм в одежде присущ героям, принадлежащим к другому миру, иначе смотрящим на то, что происходит, — это Антигона и Гемон. Даже платье, которое надевает Антигона, принадлежит Исмене. Может, это связано с тем, что стражники, Креон и Исмена, Поллиник и другие принадлежат к нашему современному миру, а Антигона и Гемон — вне времени?

Итак, если Софокл писал о соблюдении государственных и божественных законов, а Антигона Ануя призывала к борьбе с фашизмом, который охватил Европу в 30–40-х годах, то Александра Иванова больше занимает экзистенциальная проблема выбора, проблема существования человека в мире сегодня. Удивительным образом созвучна настоящему и музыка **Майкла Абельса, Джонни Берна, Софии Губайдулиной, Гии Канчели, Жана-Филлипа Рамо, Стромае** и других композиторов. Эти мелодии, такие разные и такие будоражащие, заставляют снова и снова повторять слова Антигоны: «Как вы мне противны с вашим счастьем!..». Мельчаем мы, друзья, мельчаем...

Елена ВАЛЕЕВА

Смотритель музея — Е. Лупачева

